

С. С. Феоктистова

**«ПОСЛЕДНИЕ ЗАЛПЫ ВТОРОЙ МИРОВОЙ»
В ПОЭТИЧЕСКИХ РЕПОРТАЖАХ ВОЕНКОРА
ДАЛЬНЕВОСТОЧНОГО ФРОНТА
СЕРГЕЯ ГЕОРГИЕВИЧА ФЕОКТИСТОВА**

*Нас не нужно жалеть,
ведь и мы никого не жалели.
С. Гудзенко*

Недолго праздновали советские люди майскую Великую Победу 1945 года... Не все фронтовики успели добраться до родимого дома, как вновь зазвучали военные приказы и трубы, и замаскированные эшелоны направились к восточной границе Союза.

Всю Великую Отечественную войну жители и пограничники Дальнего Востока терпели военную опасность — миллионную Квантунскую армию Японии. Союзница фашистской Германии постоянно испытывала огнём и штыком крепость обороны «Восточного порога России» (С. Феоктистов, 1942). На земле, в небесах или на море самураи ежедневно проводили разведки боем либо учения, провокации или просто разбой, что требовало боевой готовности красноармейских резервов и военной техники:

*Хранят, Амур, тебя отважные
И верные сыны:
Мила им тропка, травка каждая
Э-эх, заветной стороны. [5]*



Сергей Феоктистов прибыл на дальневосточную границу.

Советские пограничники и старослужащие дальневосточных фронтов приветствовали свежих призывников, передавали им эстафету военно-полевых навыков и строевые амурские песни, помогали новобранцам осваивать боевое искусство в таёжных условиях, близких к фронтовым, готовились к стратегическим сражениям:

*Мы тебя отстоим, дорогая Москва!
Мы разделим заботы и боль, и тревоги.
И фашист не дожждётся японской подмоги:
Наш амурский рубеж неприступен, Москва! [14]*

По вечерам дальневосточницы пересказывали детям стихи Сергея Феокистова об агрессивности японских самураев, что много лет томили в неволе миллионы народов 14 государств Юго-Восточной Азии:

*...Готовился к прыжку 6 лет Дракон:
Поработил народов он немало.
Ударный самурайский батальон
Готов был выступить по первому сигналу.
Держал в прицелах перекрёстки всех дорог,
Разбойничал и в небе, и на море,
И камикадзе, словно рис, растили горе,
Чтоб императору отдать последний долг...¹*

От активного широкого вторжения на территорию России японских су-постатов сдерживал не советско-японский пакт о нейтралитете от 13 апреля 1941 года, а боеготовность дальневосточных фронтов, усиленных к 15 сентября 1941 года созданием Забайкальского фронта и укреплённого в 1942 году двумя гвардейскими миномётными полками ракетной артиллерии.

Согласно решению международных Тегеранской (1944 г.) и Ялтинской (февраль 1945 г.) конференций антигитлеровской коалиции правительство СССР объявило войну Японии: 9 августа 1945 года на огромном пространстве от Хингана до Тихого океана советские войска одновременно перешли советско-японские границы на суше, море и в воздухе.

Трёхнедельная война с Японией показала готовность Красной армии выполнить приказ Главнокомандующего И. Сталина, свой интернациональный долг и государственные обязательства перед союзниками.

Дальневосточная кампания развернула боевые действия на трёх театрах: Маньчжурия, Южный Сахалин и Курилы, Тихий океан.

На всех участках фронтов политработники были в первых рядах наступающих, увлекали к заданной цели молодых и вновь призванных бойцов. В «немилосердной той войне» они жертвенно продвигались вперёд, оставляя за собой необстрелянных новобранцев: совершали самоподрывы для

¹ Стихотворение «Банзай, Япония!» было написано С. Г. Феокистовым в 1942 г. в дневнике. Опубликовано не было.

создания боевых проходов в сплошной живой стене противника, бросались на амбразуры огнедышащих дотов и дзотов, таранили танки врага на земле, японские самолёты в воздухе и корабли на море.

Противник сопротивлялся с яростью обречённых. В захваченных дотах продолжали отстреливаться прикованные к пулемётам самураи. Отступающие соединения оккупантов оставляли после себя отравленные колодцы с питьевой водой, железнодорожные цистерны с отравленным спиртом, заминированных китайских женщин и детей, привязанных к деревьям или телегам... Поэтому Красная армия несла невосполнимые потери не только на поле боя...

За три недели непрерывных наступательных боёв через пустыни, топи и болота советские войска потеряли 36,5 тысячи воинов, больше, чем за пять лет пограничного противостояния.

Для военных корреспондентов это была новая глава летописи освободительных боёв Красной армии на Дальнем Востоке. Как и в годы Великой Отечественной войны, журналисты разделяли с красноармейцами ратные трудности и подвиги войны: плечом к плечу форсировали водные преграды, с ходу, на острие штыков врывались в маньчжурские селения и города. А после боя прославляли мужество и героизм советских солдат в освобождении китайского народа от многолетних геноцидных испытаний бактериологического и химического оружия, от первобытного рабства.

Военкор капитан С. Феоктистов не пропустил «судьбоносную командировку на фронт», вписал свои поэтические страницы в «Маньчжурскую тетрадь» летописи Советско-японской войны. Когда оружие возмездия Красной армии было повернуто против японских милитаристов, готовящих истребительную войну на Дальнем Востоке, пропагандистский талант С. Феоктистова вновь заступил на оперативное дежурство:



Спецкор газеты Дальневосточного фронта «Тревога» С. Г. Феоктистов.

*Бей японское отродье
От утра и до утра!
Завтра крепче, чем сегодня,
И грознее, чем вчера!* [6]

Ответственный репортёр, кумир Второй Дальневосточной армии Сергей Феоктистов не искал героев для стихотворений и поэм: он шёл с ними в атаку, спал в окопах после боя, читал приказы и сводки, ждал рассвета и почту, а к утру отправлял в редакцию новый материал. «На войне журналист — прежде всего агитатор. Горячность, спешность, порой обрывочность журналистской, репортёрской или поэтической работы оправданы конечной целью: слово должно успеть выстрелить и повести бойцов за собой», — утверждал инструктор отдела литературы фронтовой газеты «Тревога».

Маньчжурские наступательные операции были проведены в обход глубоко эшелонизированным военным районам Гоминьдана, которые японцы массивно укрепляли более 10 лет. Сохраняя людские резервы, командующие дальневосточных фронтов направили советские войска через пустыни, гати и болота, где «даже лететь никому не охота. А как же пехота всё это прошла?» [3].

*Как черти, грязные по плечи,
Лежали мы на берегу.
Готовые в смертельной сече
Все счёты предъявить врагу..
Рядела мгла. Уже светало.
Туман дымился над водой.
И ждали воины сигнала,
Чтоб пересечь Амур седой.
И вдруг над степью, над тайгой,
Где войску не было числа,
Волшебной сказочной дугою
Играя, радуга взошла..
Мы радуг видели немало,
Но там, промокли до костей,
Все: от бойца до генерала, —
Как дети, радовались ей..
— К Победе! И поднялись люди
С земли, что укрывала нас.
И залп нацеленных орудий*

*Простор Маньчжурии потряс.
И легендарная пехота
Рывком Амур пересекла,
На правый берег, как в ворота,
Под ясной радугой вошла.
Смела, как горная лавина,
Японской армии заслон,
И шла до самого Харбина
Под шелест ветра и знамён. [16]*

Широкомасштабные наступательные действия советских войск под командованием маршала Союза А. М. Василевского не позволили японской авиации нанести существенный урон приграничным дальневосточным городам. Развивая стремительное наступление, советские войска занимали опорные пункты Маньчжурии. Со штурмовыми дивизиями капитан С. Феоктистов освобождал города Фугдин, Цзямусы, Даямусы и другие — до самого Харбина.

*Как наяву, всё в памяти поныне,
И он, в очкастом шлеме паренёк,
Что вместе с нами штурмовал в Фундине
Японский укреплённый городок.
И танк, что вёл он впереди пехоты
Через гнилые шаткие мосты
На скрытые в полуподвале доты,
Где бились в лихорадке пулемёты,
Где смертники зарылись, как кроты.
Вот миг, когда в разгаре перестрелки
По рёбрам громахающей брони
Запрыгали проворные, как белки,
Губительные рыжие огни,
Залёгшая у вздыбленного склона
Вся рота ожидала затаённо,
Куда танкист машину повернёт...
Но танк лишь вздрогнул раскалённым телом —
И под кинжальным вражеским обстрелом
Пошёл на полной скорости вперёд!
Грохочущий под искромётной пылью
Он не касался, кажется, земли:*

*Трепещущие огненные крылья
Его на доты смертников несли...
Гудела сталь у нас над головами,
Но всё ломал наш хлынувший поток...
И пал он перед русскими штыками —
Японский непроступный городок. [12]*

Особенностями маньчжурских репортажей военкора Сергея Феокистова называли драматическую и историческую достоверность. Динамика и стремление поэта показать массовый героизм и тяжёлую правду ожесточенных боёв, мужественность и сдержанность чувств и слов краснозвёздного солдата, похожую на исповедь:

*...Лежал он, бледный, возле пулемёта
У земляка-амурца на руках.
Вокруг него в тумане, в дымке сизой
Пестрела степь неубранной чумизой,
Шумел непроходимый гаолян...
Волы тащились с жалкими возами,
Маньчжурский коршун в воздухе парил...
Смотрел солдат печальными глазами
И тихо-тихо другу говорил:
— Не смерть страшна, не смерть, браток,
А тяжело лежать в краю далёком и чужом... [10]*

В результате синхронного двухнедельного наступления дальневосточных фронтов знаменитая Квантунская армия Японии, что более десяти лет являлась угрозой для советского Дальнего Востока, была сломлена и деморализована. В плен сдались более 594 тысяч японских солдат и офицеров и 148 генералов. Только убитыми японцы потеряли в Маньчжурии 84 тысячи солдат и офицеров.

Пограничникам, морпехам-десантникам, морякам Тихоокеанского флота, защитникам жизни своих детей, капитан С. Феокистов посвящал полевые листовки и оперативные очерки. Журналист-поэт воспевал священные чувства солдатской верности долгу в освободительных боях:

*...Ты обагрил его своей кровью,
Сражённый пулей вражьего стрелка.
Мы, как святыню, сбережём с любовью
Твой партбилет на долгие века.*

*Нетленна слава и живых и павших,
Кто постоял за Родину в борьбе...
Герой Иван Шилков! Потомки наши
Не раз с любовью скажут о тебе:
— Он не щадил себя на поле ратном,
Чекист дальневосточных рубежей.
Он был достойным сталинским солдатом
И верным сыном Родины своей. [18]*

Репортажи о боевых действиях на Сахалине и Курильских островах военкор С. Феоктистов посылал с военных десантных кораблей. Фанатичные самураи отчаянно сопротивлялись, не уступая завоёванных пространств. После поражения в г. Тайохара тысячи императорских воинов проявили воинскую дисциплину: на городской площади сделали себе харакири и медленно умирали в стогах, но отказывались от медицинской помощи.

На Курильских островах не было площадей и пространств для военных операций — «котлов» и «клещей». Береговую линию каждого острова японцы за много лет господства превратили в цепь дотов. Советское командование ставило задачу — прорвать оборону самураев одной стремительной и безостановочной атакой. Весь личный состав Красной армии знал, что после высадки на вражеский берег обратная посадка на баржи исключена. Путь один — вперёд!

*Был жарок и неистов бой:
Два скрытых дзота враз
Свистящей огненной волной
К земле прижали нас.
Среди обугленной травы
Залёг стрелковый взвод.
И не поднять нам головы,
Чтоб двинуться вперёд...
Парторг встаёт наш впереди
На славные дела.
Пилотка рыжая на нём
Уже в крови была...
— За партию большевиков!
За Сталина, друзья!
И поднялись с земли стрелки,
И передать нельзя
Той ярости, с которой взвод*

*Рванулся снова в бой...
И замолчал японский дзот,
И смолк за ним другой...
И до конца мы в том бою
Исполнили приказ.
Так вера в партию свою
Вела на подвиг нас. [8]*

Внезапность десанта на прибрежную полосу обеспечивалась темной ночью, туманом и тишиной. Ни огонька, ни кашля, ни вскрика, даже если кто-то сорвался с баржи с полной боевой выкладкой. Советские воины самоотверженно и жертвенно выполняли патриотический долг и союзнические обязательства. Подвиг Александра Матросова был повторён на Курильских островах десятков раз.

*И вспомнят бойцы не однажды,
Как вплавь, под обстрелом врагов,
Покинув десантные баржи,
Достигли они берегов.
Как было им жарко и круто
У хмурых прибрежных высот:
Здесь с хода стремительный Шутов
Повёл их на вражеский дот...
Здесь страха не ведали люди,
Здесь первым рванувшись вперёд,
Моряцкой обветренной грудью
Вилков заслонил пулемёт...²*

Особенно тяжёлыми были бои за остров Шумшу, оборону которого держали более 8 000 самураев гарнизона и 60 танков, которых прикрывала полевая и зенитная артиллерия. Доты и дзоты острова были связаны подземными ходами и траншеями. Штабы, электростанции, склады, госпитали — всё было укрыто на 50 метров под землёй...

18 августа 33 специальных и десантных транспорта подошли к острову Шумшу, и 9 000 тысяч матросов, солдат и офицеров начали десантирование. Противник оказывал яростное сопротивление: кровопролитные бои за остров шли пять дней, до 23 августа, с переменным успехом:

² Из «Курильского блокнота» (1945 г.) писателя, хранящегося в семейном архиве его дочери С. С. Феоктистовой.

*...Причал качал, как поплавок,
И водопадом били реки.
Курился каждый островок,
Огнём плевались штреки...
Здесь даже не росла трава:
То извержения, то сели...
Здесь над водою — острова,
А под водой — давно туннели.
И будет воспет не однажды
Десанта полночный поход:
Объятые пламенем баржи
И грозное слово: Вперёд!³*

Немеркнувший подвиг в этих боях совершили тихоокеанцы Николай Вилков и Пётр Ильичёв. Своими телами они закрыли амбразуры вражеских дотов на господствующей высоте 171, своим подвигом обеспечили стремительное наступление десантных подразделений на южные высоты острова.

*Он рванулся вперёд к смертоносному дзоту
И упал, как Матросов, закрыв пулемёт.
Вновь в атаку пошла окрылённая рота,
И молчал, как могила, заглушенный дзот.
В то мгновенье, когда боевой наш порядок
Поднимался, не тронутый градом свинца...
Как один, мы увидели: вставшего рядом Вилкова,
Шагнувшего в вечность бойца. [7]*

Военные рапорты поэта создавались в гуще боевых событий. Косые бегущие записи военкора сделаны перед атакой или на линии огня, в блокноте химическим карандашом — на палубе военного катера, несущего десант к очередному острову Курильской гряды. Здесь схемы проходов и проливов, записи о бойцах и командирах, адреса их родных и близких... «Потери в Дальневосточной кампании были огромными, особенно в графе “Без вести пропавшие”, т. е. в море. Трудности огня с кораблей поддержки создавали орудия противника, что располагались в глубоких капонирах, невидимых с морского сектора, имевшие подземные хода сообщения. Плохая видимость и высокая волна мешали авиации и кораблям поддержки», — писал Сергей Георгиевич в «Курильском блокноте» (1945 г.).

³ Из «Курильского блокнота» (1945 г.) писателя, хранящегося в семейном архиве его дочери С. С. Феоктистовой.

*Бессмертными стали солдаты,
Что в жарких боях полегли.
На политых кровью их скатах
Саранки весной расцвели.
До самых камчатских отрогов
Гряда часовому видна.
Великой державы Порогом
Зовётся в народе она. [15]*

К 1 сентября все острова южнее Урупа заняли краснофлотцы Северной Тихоокеанской флотилии. На Курилах было взято в плен до 60 тысяч японских солдат и офицеров. Курильская десантная операция стала последним, итоговым сражением Второй мировой войны.

На борту американского линкора «Миссури» 2 сентября 1945 года под актом о капитуляции Японии свои подписи поставили представители делегаций Японии, США, Китая, Великобритании, СССР, Австралии, Канады, Франции, Голландии и Новой Зеландии. Здесь, на Дальнем Востоке, закончилась шестилетняя Вторая мировая война — самая жестокая и кровопролитная в истории человечества.

За боевое отличие в Дальневосточной стратегической операции свыше 300 тысяч советских солдат и офицеров были награждены орденами и медалями, а 93 участника сражений удостоились звания Героя Советского Союза.

Воинское бесстрашие специального корреспондента фронтовой газеты «Тревога» капитана Сергея Феокистова, проявленное в этой войне, было отмечено военными медалями «За боевые заслуги», «За победу над Германией», «За победу над Японией», орденом Отечественной войны II степени. О представлении к боевым наградам военкор знал (понаслышке), но в послевоенной заварушке и журналистских переездах медали отставали от награждённого спецкора на десятки лет.

На всех фронтах Дальневосточной кампании стихи политрука печатались на листовках в рубрике «Прочти и передай другому!». За три недели боевых действий этой войны спецкор С. Феокистов подготовил десять публикаций: шесть стихотворений и четыре очерка, практически через день товарищи по оружию читали новые репортажи.

Остальные стихи и очерки завершались в редакции, после встречи с героями десантов, краснозвёздными победителями дальневосточной чумы. Между боями автор работал над ритмами и интонациями строф, «доводил стихи до печатного вида, испытывал готовность боевых строк

выстрелить кучно и в срок». Военкор работал без отдыха, мобилизуя готовность выступить в любое время суток перед бойцами, идущими на битву, или после боя: на палубе десантного катера или на аэродроме, на танке, на заставе или в землянке. Машин не хватало, и на встречи-выступления журналист-агитатор нередко добирался короткими перебежками под обстрелами или прицелами снайперов. Стихотворения-экспромты порой меняли название или первую строку, с учётом потерь или ранений героев, перестраивались на ходу, имели несколько публикаций, расширяющих круг читателей (слушателей). После редакционной оценки и исправлений стихи становились балладами или очерками о народных героях, но всегда оставались историческими и поэтическими свидетелями ратных подвигов героических солдат Отчизны:

*Во имя Родины любимой
Горят отвагою сердца:
Бойцы клялись неумолимо
Идти к Победе до конца.
Штурмуя вражеские доты,
Они презрели смерть в боях,
По горным кручам и болотам
Тащили пушки на руках.
Смели с дороги все преграды,
Все крепости повергли в прах.
И запросил у них пощады
Склонённый на колени враг.
И вот настали те минуты,
Что не найдёшь для них слова, —
Гремят над Родиной салюты,
Героев чествует Москва.
И нет для русского солдата
Превыше радости такой,
Чем знать, что доблестно и свято
Он в битве долг исполнил свой. [11]*

Главными читателями и судьями боевых репортажей с Советско-японской войны по-прежнему оставались земляки, дальневосточные женщины, вдовы и сироты, которые каждую военную публикацию воспринимали как весточку о родном, как подаренную сказку о будущем:

*Гряда Курильская, как клад,
И на яву японцам снится:
Здесь все морские погреба,
Как Менделеева таблица.
Ресурсы шельфов и морей
Мы сохранили, как зеницу,
Для наших внуков и детей:
Здесь и судьба их, и граница. [15]*

Каждый год в школах Дальнего Востока 1 сентября проходит урок мира, на котором учителя и ученики вспоминают, «...какой ценой отваги и бесстрашья / Досталась нам в атаках рукопашных / Родная сахалинская земля» [15].

Новые поколения дальневосточников садятся за парты, новобранцы российской армии XXI века заполняют «Школы молодого бойца» на заставах и укрепрайонах восточных рубежей, на кораблях Тихоокеанского флота. И всюду патриоты российской Отчизны, от школьников до адмиралов, помнят имена героев, отдавших жизнь за неприкосновенность рубежей нашей страны: «И держит на него равнение / Весь Тихоокеанский флот» [7].

Журналистская служба задержала капитана С. Феоктистова на Сахалине до 1951 года. На его глазах восстанавливалась разрушенная войной благодатная земля: дороги, жильё, школы и больницы. К 1 сентября 1945 года открыли двери первые русские и японские школы. Репортёрские переезды, перестрелки, пожары, экстремальные нападения оставленных диверсантов и смертников не способствовали сохранению литературных записей корреспондента, который освещал военные укрепления острова для газеты ПВО и отдельной армии дальней авиации «На страже Родины». Литератор сотрудничал и с московскими газетами «Советская авиация» и «Сталинские соколы», с журналами «Советский воин», «Пограничник», «Дальний Восток»... Он выписал из Хабаровской краевой библиотеки легендарную повесть А. П. Чехова «Сахалин» и в каждом селении острова сопоставлял восстановление и преобразования когда-то каторжной окраины России. Итогами кипучей исследовательской и поэтической работы стали авторские сборники стихов «Сахалинское утро» (1950 г.), очерков «Нивхская поэма» (1952 г.), книга «Нивхских сказок» (1955 г.).

В XXI веке Япония осталась единственным проигравшим участником Второй мировой войны, который упорно — 75 лет — не подписывает мирного договора с российским государством. Вопреки безоговорочной капитуляции 1945 года, игнорируя решения Международного суда над военными

преступниками (Хабаровск, 1949 г.), Япония продолжает предъявлять территориальные претензии к России:

*Собачья память, как трава:
Истории не помнит псина...
Кто грабил наши острова,
Гнал нефть полвека с Сахалина?
Кто нас топил меж островов,
«Кон-току-эн»⁴ забыть готов?
Просеял море решетом,
А с камикадзе не знаком?
Спешат забыть позор Уссури,
Костер блошинный до небес,
Чтоб 100-й вновь воскрес,
Съел приговор свой на «Миссури»?
Им острова с поклоном подавай:
О, Чоты-маты, кудасай⁵!
В торгах — не дачи из фанеры:
Проливы, шельфы — клад без меры.
Вся Менделеева таблица
На тех проливах уместится...
Поэт, как пёс, к измене не готов,
Речей не терпит приторно-красивых.
Он убеждён:
«Нет дальних островов, пока жива Великая Россия!» [13]*

Сегодня Россия сохраняет культурные и экономические отношения с частными компаниями восточных соседей, но пресекает любые территориальные и милитаристские претензии правительства Японии на острова и проливы малой Курильской гряды, как и на прибрежные пограничные территории. Ведь общая площадь «северных японских владений» с акваторией превышает земли Австрии + Греции или больше 50% всей наземной Японии. Поэтому японцы и стремятся получить эти острова.

Мы помним, какой кровью были возвращены Отечеству исконно российские земли, потому не стесняемся и не устаём напоминать восточным супостатам стихами Сергея Феокистова по-русски, по-английски и по-японски: «Здесь утверждается Россия не на года, а на века!» [9].

4 «Кон-току-эн» (япон.) — стратегический план Японии захвата советских земель до Урала.

5 Чоты-маты, кудасай — в пер. с япон. «минуточку подождите».

Военно-стратегические и геополитические интересы российского государства не допускают пересмотра итогов Второй мировой войны. Любые высказывания политиков о возможности отдачи Курил Японии являются антиконституционными и подпадают под статью 280.1 УК РФ «Призывы к действиям, направленным на нарушение территориальной целостности РФ».

Стихи и очерки участника и летописца Дальневосточной операции 1945 года капитана С. Феоктистова звучат сегодня как напоминание, как реквием, как клятва живых в вечной памяти погибшим за неприкосновенность рубежей нашего Отечества:

*Край мой милый, хоромы лесные,
Говорливый амурский прибой!
Разве могут несчастья шальные
Разлучить наше сердце с тобой?!
Эти чувства мы в сердце носили
Сквозь кинжальную, злую картечь.
Как народное счастье, Россия
Заказала тебя нам беречь! [14]*

Поэтические рапорты воина-поэта о Второй мировой войне активно работали в японскую кампанию, в послевоенные годы и сегодня остаются востребованными в методическом арсенале военных наставников и гражданских воспитателей, поскольку сохраняют историческую память о цене Великой Победы, противостоят фальсификации итогов Великой Отечественной войны и Второй мировой войны.

*Да, нелегко найти такое слово,
Чтоб чувства уместились в нём сполна.
Как хороша ты в красоте суровой,
Родная островная сторона!
И нефтяные вышки, и причалы,
И шахты, что раскинулись кругом, —
Всё кропотливым создано трудом,
Всё нашей славой всенародной стало.
И горд я, что Отечества границы
Храню в суровом островном краю...
В любом подростке, в каждом сахалинце —
Я мужество Отчизны узнаю. [17]*

Военная поэзия фронтовика С. Феоктистова формирует историческое мышление, патриотическую готовность подрастающих поколений встать на защиту национальных интересов Отечества, достоинство и дальневосточную гордость молодёжи и военнослужащих Восточного округа за подвиги земляков в годы боевых испытаний войны с Японией, цементирует духовную и нравственную высоту международных отношений.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Гребенюкова, Н. П. «Всё дорого здесь сердцу, как награда...» / Н. П. Гребенюкова // Записки Гродековского музея.— Хабаровск, 2008. — Вып. 21. — С. 46–48: — К 95-летию со дня рождения поэта-фронтовика Сергея Георгиевича Феоктистова.
2. Иванов, Д. Курильские острова в истории русско-японских отношений / Д. Иванов. — Текст : электронный // История государства : сайт. — URL: <https://statehistory.ru/3224/Kurilskie-ostrova-v-istorii-russko-yaponskikh-otnosheniy/>.
3. Комаров, П. «Сунгарийские болота» // Избранное : стихотворения и поэмы / П. Комаров. — Москва, 1982. — С. 254.
4. Маслова, А. Н. «С лейкой и блокнотом...» / А. Маслова // Дальний Восток. — 1978. — № 5. — С. 136–138: — Дальневосточные поэты-фронтовики.
5. Феоктистов, С. Г. Амур-богатырь («Шуми, Амур, шуми, наш батюшка...») : песня / С. Г. Феоктистов ; муз. Вл. Румянцева // Тревога: Хабаровск. — 1942. — 26 дек. — С. 3.
6. Феоктистов, С. Г. Бей японское отродье / С. Г. Феоктистов // Тревога. — 1945. — 15 авг.
7. Феоктистов, С. Г. Бессмертие («С ветрами спора в океане...») : Герою Советского Союза Николаю Вилкову // Тревога. — 1946. — 2 сент. — С. 1.
8. Феоктистов, С. Г. Был жарок бой... : памяти парторга Тёткина / С. Г. Феоктистов. — Текст : электронный // Календарь Победы. 1943–1945. Южно-Сахалинская наступательная операция : агитация в стихах. — URL: <http://pobeda.elar.ru/issues/sachalinskaya-operatsiya/agitatsiya-v-stikhakh/>.
9. Феоктистов, С. Г. «В вечерней дымке острова...» / С. Г. Феоктистов // Тихоокеан. звезда. — 1946. — 11 июля (№ 161). — С. 2.
10. Феоктистов, С. Г. В Маньчжурской степи («Горячий лоб покрылся крупным потом...») / С. Г. Феоктистов // Тревога. — 1945. — 4 сент. — С. 3.
11. Феоктистов, С. Г. Великая награда («Во имя Родины любимой...») / С. Г. Феоктистов // Тревога. — 1945. — 25 авг. (№ 203). — С. 1.

12. Феоктистов, С. Г. Данко («Как наяву, всё в памяти поныне...») / С. Г. Феоктистов // Тревога. — 1946. — 18 июня. — С. 3.
13. Феоктистов, С. Г. Дела собачьи («Болонка Джудди пожалела...») : басня с эпилогом / С. Г. Феоктистов ; рис. В. Зуенко ; предисл. С. С. Феоктистовой // Суворов. натиск. — 2005. — 23 февр. (№ 22). — С. 8. — Портрет.
14. Феоктистов, С. Г. Клятва амурцев («Мы тебя отстоим, дорогая Москва!») : листовка / С. Г. Феоктистов. — Хабаровск : ДВФ, 1941. — Окт.
15. Феоктистов, С. Г. «Порог Отечества» / С. Г. Феоктистов // Молодая гвардия. — Южно-Сахалинск, 1949. — 2 сент. (№ 104). — С. 3.
16. Феоктистов, С. Г. Радуга («Как черти, грязные по плечи...») / С. Г. Феоктистов // Тревога. — 1945. — 20 авг. — С. 2.
17. Феоктистов, С. Г. Родная островная сторона («Да, нелегко найти такое слово...») / С. Г. Феоктистов // Камчат. правда. — 1946. — 22 дек. — С. 1.
18. Феоктистов, С. Г. Слава Герою! : памяти парторга Ивана Шилкова («Ты обагрил партбилет алой кровью...») / С. Г. Феоктистов // Пограничник. — 1945. — № 23. — С. 59.

Фотографии предоставлены автором.